

Критика и Библиография.

Едодор Иванович Тютчевъ въ своихъ письмахъ.

предисловіемъ и примѣчаніями Е. П. Наумовича. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ. 1928 г. Труды Пушкинскаго Дома.

Необычайно своеобразная личность Тютчева до сихъ поръ не разгадана въ сколько-нибудь достаточной степени. Она остается для насъ столь же трудною и непонятною, какою была и для современниковъ, близкихъ къ нему. Вотъ что писала о Тютчевѣ его собственная дочь въ 1884 г.: «онъ мнѣ представлялся однимъ изъ тѣхъ начальныхъ ступеней, такихъ тонкихъ, умныхъ и измѣнчивыхъ, которые не избѣгутъ ничто общаго съ другими, но у которыхъ нѣтъ, однако, и думъ. Онъ совершенно вѣдь всѣхъ извѣстныхъ и правыхъ. Онъ поразительно воображалъ во всемъ, что-то жуткое и безобразное. Сегодня онъ показывалъ мнѣ еще страшнѣе, чѣмъ всегда и особенно въ послѣдніе дни».

А Тютчевъ дѣйствительно могъ порадовать таинственности загадка. Прекрасно говоритъ Е. П. Наумовичъ въ своемъ предисловіи къ изданію, теперь писавшемуся: «Понятенъ ли дилематъ, покидая въ любую минуту, неизвѣстно по какой причинѣ, и никому не сказавши, свою жизнь, и срывающійся неизбежно кулакомъ на камень?»

Понятенъ ли намъ, почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества? Понятенъ ли поэтъ въ равнѣнствѣ со своими произведеніями, сжигающими на немъ за неподобство, какъ обыкновенно бываетъ у поэтовъ, и почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества?

Понятенъ ли поэтъ въ равнѣнствѣ со своими произведеніями, сжигающими на немъ за неподобство, какъ обыкновенно бываетъ у поэтовъ, и почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества?

Понятенъ ли поэтъ въ равнѣнствѣ со своими произведеніями, сжигающими на немъ за неподобство, какъ обыкновенно бываетъ у поэтовъ, и почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества?

Понятенъ ли поэтъ въ равнѣнствѣ со своими произведеніями, сжигающими на немъ за неподобство, какъ обыкновенно бываетъ у поэтовъ, и почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества?

Понятенъ ли поэтъ въ равнѣнствѣ со своими произведеніями, сжигающими на немъ за неподобство, какъ обыкновенно бываетъ у поэтовъ, и почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества?

Понятенъ ли поэтъ въ равнѣнствѣ со своими произведеніями, сжигающими на немъ за неподобство, какъ обыкновенно бываетъ у поэтовъ, и почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества?

Понятенъ ли поэтъ въ равнѣнствѣ со своими произведеніями, сжигающими на немъ за неподобство, какъ обыкновенно бываетъ у поэтовъ, и почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества?

Понятенъ ли поэтъ въ равнѣнствѣ со своими произведеніями, сжигающими на немъ за неподобство, какъ обыкновенно бываетъ у поэтовъ, и почему Тютчевъ, будучи гдѣ-то въ расстройствѣ, мучился парадоксальной переменою до ея окончанія, напускалъ на себя привѣтливый, являющійся вѣщнымъ пророкомъ въ домашнемъ кругу и только на мѣстѣ замѣчательной своей одиночества?

Французскій писатель о Есенинѣ.

«Человѣкъ, которого я боялся — такимъ словомъ начинаеть Ферриандъ Динуръ, поэтъ, критикъ, романистъ свой эффектный очеркъ о русскомъ поэтѣ, помѣщенный въ новогодишемъ 1927 г. альманахѣ издательства Вернара Грассе».

Динуръ встрѣчалъ русскаго поэта въ студіи Айседора Дункаль, на Rue de la Poire, и тамъ читалъ Есенинъ свою поему «Пугачевъ». «Я не понималъ словъ, — пишетъ Динуръ, — но никогда бѣшеный лѣтъ, казавшихъ не представлялъ мнѣ такой дѣлать, какой отыскался во мнѣ эта поэма. Лишь тогда Есенинъ выкрикивалъ свои стихи, я понялъ, во что тогда вылился красная орава въ стихійномъ взрывѣ. Помню, когда онъ кончилъ, я сказалъ Айседору: «Такого поэта развѣ лишь пушечью можно было бы заглушить?»

Даже вода не уняла его возбужденія. Еще подросткомъ, по его словамъ, выпивать онъ не умѣлъ, вмѣсто кофе съ молокомъ, два литра водки (онъ поддѣлываетъ, ни оровернуть этого сѣлѣзнаго Динуръ упрямился, Есенинъ теперь не можетъ). Ему еще двадцати лѣтъ не было, когда онъ уже началъ запивать, и чуть ли не каждую лѣтъ недѣлю окружавшее «то близко люди со страхомъ ждали его выходки. Онъ хватался тогда за поэтъ, за революцїю и гляделъ съ нимъ за измѣненной жертвой. Есенинъ не могъ не кончить самоубійствомъ. Неодолжъ былъ его вѣкъ, но перелетнымъ птичьимъ, драмой, патетично по мѣру, и даже творчествомъ — насущнѣе, богаче многихъ, многихъ людей».

Есенинъ, это — чуждая странность, крошечный и упрямый чужакъ. Въ его поэмѣ чистота — и насколько искренне, неосторожно, чѣмъ у Франца Жакама — чуждъ своего мѣста. Крестьянскій паренекъ этотъ ринулся въ поэзію со всей неторопливою мощью, свѣжестью образовъ, и отпущенной его гениальности. Въ его поэзіи традицій, безъ избытка прошлаго.

Айседора Дункаль разсказывала французскому писателю о первой своей встрѣчѣ съ Есенинымъ и какъ она овѣдомилась о его вѣсѣхъ.

«Вогнеръ? — «Ченука» — отвѣтилъ Есенинъ и Ф. Динуръ дѣлаетъ это слово въ французской орфографіи Чероверкока».

«Бетховенъ? — «Ченука» — «Экзиль?» — «Ченука».

«Софоклъ? — «Ченука».

«Данте? — «Ченука».

«Шекспиръ? — «Да, Шекспиръ и... Есенинъ».

Онъ часто говоритъ о себѣ: «Я хулиганъ, я разбойникъ... Это была жизнь революціи, смѣлѣйшаго цѣлѣго, гудобой и красной. И надо отнѣтъ: Есенинъ пылкимъ метеоромъ прошепталъ надъ Парижемъ, принесъ намъ съ собою ибѣто намъ уже утраченное и заблудное: Яркое синіе поэзіи...»

«Въ Россіи, по словамъ русскаго поэта поэтовъ читаютъ больше, чѣмъ романистовъ».

Изъ этому циркулу свидѣтельству русскаго поэта — Динуръ добавляетъ характерный для есенинскаго невѣдѣнія о Россіи комментарий: «...и слушаю его, я задавалъ себѣ вопросъ, не является ли въ его революціи, произошедшей въ его странѣ, лишь внезапнымъ помѣстательствомъ народа, означеннаго бытствомъ поэтическаго творчества...»

Весь обликъ Есенина, «жюганъ, неосторожный, съ копной золотыхъ волосъ, и невѣрными глазами, съ такимъ наивнымъ удовольствіемъ, остававшимся на его помыхъ, мелховыхъ носкахъ» — говоритъ Динуръ о томъ, что «поэзія это — жизнь».

Дальше Ф. Динуръ высказываетъ нѣсколько ума холотливыхъ размышлений о томъ, что «не всегда война, ортъ крови влечетъ за собою анемию творчества, романтизмъ отчаянія, уходъ отъ міра въ революціи интеллигентализма». Доказательствомъ тому Россія, «которая поетъ кровавой боины, поетъ массовыхъ убійствъ, лада, однако, міру, такъ непростоемъ пышно вино, какъ поэзіи Есенина».

«И если бы въ 1914-й годъ, (то есть войну) надо винить въ томъ, что наши (французскіе) поэты теперь всего только провѣтывали, екоинившимъ груди непапа».

Выводъ, какой можетъ читатель сдѣлать изъ заключительныхъ строкъ очерка Ф. Динуръ, какъ будто тотъ, чью дѣлать трудъ не въ вѣдѣніи во Франціи по имени арте огни поэзіи, безъ адекватной революціи на манеръ русской не обійтись».

Однако, это пожеланія, хотя бы безотвѣтственно-примирительнаго исполненія этого патристичнаго-поэтическаго чанія, лучше все такъ воздержаться. Даже ринулся уронить себя варварскою неутѣтностью въ глазахъ нестези-европейца... А. Д.—ская,

„Протестъ“ и „критика“

П. Б. Струве вѣлтъ «протестъ» противъ романа Е. Н. Черикова подъ своею защитоу «формально и по существу и весьма недобротливо отозвался о моей замѣткѣ. Это дѣлать поведъ и возможность развернуть тѣ два единственна серьезныхъ вопроса, которые связаны съ этимъ мелкимъ случаемъ нашего эмигрантскаго прозвѣнія».

П. Б. Струве кажется, будто и оторица «свободу читательской мысли и отержанія» Ниселько. Я говорю: «критикуйте, «не читайте». По коллективный протестъ вовсе не критика. Это — опредѣленное политическое выступленіе. Въ критикѣ вы имѣете дѣло съ доводами, противъ которыхъ можно спорить, возражать. Въ протестѣ — вся суть въ поднесихъ, въ ихъ категоричности, либо количественномъ вѣсѣ».

Протестъ умѣетъ, когда передъ нами политическое выступленіе. Онъ — средство политической боры. Но допустимъ ли коллективный протестъ, какъ отзывъ на художественно-литературное произведеніе? Въ «протестѣ» такое огромное большинство подписей дѣлаетъ «по доверію» къ вождямъ, по настроенности. Это — типичный случай «коллективна», гдѣ рѣшаютъ не доводы, а сила. О литературно-художественной цѣнности романа Е. Н. Черикова можно быть разныхъ мнѣній. Это уславнѣтъ протестъ. Возьмемъ гдѣ-нибудь безспорныхъ случаевъ».

Недавно вывелъ прекрасный художественный разсказъ П. А. Бунина «Сенечинъ ударъ», воистину одна изъ самыхъ лучшихъ повѣстей русской литературы. Представьте себѣ, что кака-либо строгая лада стала бы собирать подписи подъ «протестомъ» противъ разсказа П. А. Бунина. Въ «протестѣ» стоило бы — кое отъ кого и это слышать! — что П. А. Бунинъ оклеветалъ русскую женщину, которая, имѣя мужа и ребенка, не способна и въ самый злойшій день броситься въ объятія первому встрѣчному офицеру, что такие нравы возможны только въ Советѣи, среди коммунистовъ и комсомоловъ, и т. д.

Если въ эти мысли высказались въ статьѣ, вы можете ихъ осаривать, приводить доводы, художественные, психологическіе. Но протестъ, повѣрять двумъ еталамъ подписей... Единственный способъ бороться съ нимъ написать другую статью, гдѣ бы 300 подписей удостоивляла, что П. А. Бунинъ въ оклеветаніи русской женщины не повиненъ. Заране отговору возраженіе, что въ одномъ случаѣ изъ протеста о женщинахъ, въ другомъ — о бѣлѣхъ давленіи... Политическая сторона есть тамъ, и тутъ. Психологическая сторона женщины и психологическая не менее важна, чѣмъ психологическая участивность блага диваніи. Напомнимъ хотя бы много же впервые воспринимавшаяся, сказанная въ Пратѣ Н. Н. Львовъ, красавца слова: бѣлое движенье пошлое за то, чтобы пушкиска Татьяна не прыгивалась въ Катку изъ «Дѣвчачья».

Вѣдь, однако, ясно, что коллективный политический протестъ противъ П. А. Бунина былъ бы чудовищнымъ безсмысломъ, поупишемъ на свободу литературы, при томъ художественной литературы.

«Протестъ» понятенъ, гдѣ есть политическое дѣйствіе, протестунокъ. Если въ романѣ ясно для всѣхъ и для многихъ выведенныя живыя лица и имя, приписаны позорные поступки — возможенъ протестъ, даже судъ. Когда въ 1801 году П. С. Лѣсковъ написалъ въ газетѣ письмо, въ которомъ кое-что — справедливо или нѣтъ, вопросъ иной, — усмотрѣлъ подтвержденіе легенды объ участіи студентовъ въ поджогахъ, протестъ былъ возможенъ. Н. С. Лѣсковъ сдѣлалъ политическое выступленіе. Но когда въ 1862 г. зашла рѣчь о «протестѣ» противъ романа П. С. Тургенева «Отцы и дѣти», затѣвалось предпріятіе несмысленное и вредное. А говорилось тогда тѣ же самыя слова, что и теперь: П. С. Тургенева оклеветалъ молодежь, сдѣлалъ его съ грязью, сдѣлалъ это въ журналѣ Каткова и т. д.

При появленіи разсказа Л. Андреева «Бездѣла» гр. С. А. Толстая выступила съ «протестомъ». Она больше, чѣмъ въ коллестивномъ поднесѣ, разсчитывала на качество, опираясь на мѣришій за нею образъ ея великаго супруга. Ея протестъ болѣе, походу, походилъ на критику. Съ нимъ можно было спорить, разпорить его. Общественное мнѣніе его отержало, такъ какъ, дорѣчь свободной литературы, почувствовалось, что тутъ нѣтъ элемента для «протеста».

Массовый протестъ есть всегда явленіе «политическое», а потому и подлеститъ обуславленію ея, толи арбіи нѣлесобразности. Шутки, этимъ оруженіемъ, превращать его въ пустякъ, ничего не значущій, буважикъ не слѣдуетъ. Протестовали только что противъ слезницы М. Горькаго о Дарзани-

скомъ. Пугѣи для этого все основаніи. Горькаго совершилъ политический шагъ и такой, который должеъ быть бытъ заислѣмъ перелѣ общественнымъ мнѣніемъ Евроніа.

Но романъ Е. Н. Черикова? Развѣ существуютъ какія либо основанія въ чемъ-либо заподозрить его автора? Три года тому назадъ появились романы на чешскомъ языкѣ. Никому до сихъ поръ не приходило въ голову утверждать, что благодаря этому роману отерпѣло поражение «бѣлое движенье». Черезъ три года надумали протестовать. А П. Б. Струве увидѣлъ въ этомъ протестѣ даже «гражданское мужество» По-истинѣ, либо русскія слова утратили свою смѣлость, либо мы все говоримъ на разныхъ языкахъ. Въ чемъ тутъ «гражданское мужество», когда 300 человекъ ничего не доказывая, отираясь только однимъ на другое, говорятъ разные непонятныя слова одинокому писателю, не пишущему даже своего нечестнаго орнага? По моему, это — явленіе случайнаго диванія по линии наимѣншаго сопротивленія.

А. С. Изюговъ, Р. С. Кстагн, два слова объ одномъ недоразумѣніи, виновниками которого я считалъ незначительно самъ, авторъ письма въ № 1855 «Руля». Они писали: «Мы, группа русскихъ студентовъ, были единственными въ мнѣи людѣи въ Прагѣ, которые протестовали по поводу упомянутаго романа». По бѣлѣльному смыслу этихъ словъ я понялъ, что три чешскихъ подписавшихъ себя писателя, и были единственными подписавшими, но не такъ, и чуть ли не въ послѣдній собраны въ Прагѣ. Что должна означать упомянутая фраза, становится совсемъ непонятнымъ. Неужели авторы письма хотѣли сказать, что всѣ «свѣтлы» были «единственными людьми въ Прагѣ». Не слышало ли много получился тогда «единственными»?

Архивныя находки.

Въ Зиничевъ Дворѣи, въ одномъ изъ отдѣланныхъ помѣщеній бывшаго канцелярїи Керенскаго, обнаружена часть секретнаго архива Керенскаго. Найдено до 500 документовъ, телеграммъ, протестовъ и проч. Отдѣльному кругу бумажекъ составлены доносенія комиссаровъ Шапурова, Вернина и Кобальскаго объ охрѣнѣ Николаѣ и его семье въ Тобольскѣ и бывшаго вѣд. князя Николая Николаевича и Маріи Федоровны въ Крымъ.

Найденныя документы охватываютъ періодъ съ конца июля до начала октября 1917 г. Среди бумагъ обнаружено большое число шифрованныхъ телеграммъ. Одна телеграмма касается Ленина. Шифръ телеграммы не раскрытъ. Нѣкоторые изъ записей разговора Керенскаго со ставкой по прямому проводу. Обнаружено большое число бумагъ о пожертвованіяхъ на дѣло революціи, приписанныхъ на имя Керенскаго отдѣльными лицами, востосимъ и крестьянскими сходами. На некоторыхъ бумагахъ сохранились резолюціи Керенскаго о расширеніи пожертвованій суммъ среди отдѣльныхъ лицъ.

Новый романъ Горькаго.

Горькаго работаетъ надъ романомъ изъ жизни эмигранта. Опубликованіе этого романа ожидается будущей осенью. По словамъ Горькаго намѣренъ похѣтъ въ Москву ко времени торжества по случаю десятилѣтїя советскаго режима.

Новыя книги.

- Евг. Елачичъ. Указатель изд. на русскомъ Россіи книгъ для дѣтей и молодежи. Прага, стр. 42.
- G. Baschdaroff. Die makedonische Frage. Maked. Studentenvereine im Auslande. стр. 53.
- Годы № 4. Прага.
- Назачій Путь № 62. Прага.
- Л. П. Каревичъ. Свѣтѣ огни и учителя червн. YMCA-Press, Paris, стр. 270.
- Le monde Slave. N. 11. Paris.
- С. Нарвачевъ. Герднн рогистрѣ. Прага, стр. 168.
- Prof. Nicola Mileff. Das ruhelose Makedonien. Maked. Studentenverein in Berlin. стр. 32.
- Makedonische Erzählungen. Maked. Studentenvereine im Auslande. стр. 55.
- Новый домъ. Литер. журналъ. Парижъ, стр. 39.
- Практическій Врачъ № 12. Берлин.
- Pro Macedonia N. 2, 3, 4. Maked. Studentenvereine im Auslande.
- Россия. Особый географическій миръ. Вѣрза. Шпандѣ. Прага, стр. 68.
- The Slavonic Review. December 1926.
- Врачебное обозрѣніе № 12. Берлин.
- Вѣрсты № 2. Парижъ, стр. 351.